

АРТЕФАКТ

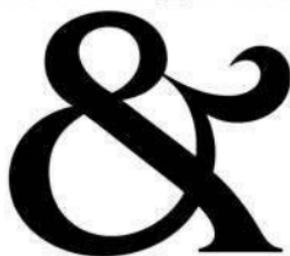

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур
Кольцо златовласой ведьмы
Музыкальная шкатулка Анны Монс
Лунный камень мадам Ленорман
Клинок Минотавра
Золотые ласточки Картье

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

**Клинок
Минотавра**

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина, Екатерина.

Л 50 Клинок Минотавра : [роман] / Екатерина Лесина. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-78307-6

Рог Минотавра, клинок, сотворенный легендарным Дедалом для Тавра, любимого воина царя Миноса, одарил хозяина силой, но отнял разум. Не принес он удачи и потомкам Тавра, исполняя их желания, взамен отбирая душу, коверкая жизни. Оттого и оборвался род князей Тавровских. Памятью о них остались развалины старой усадьбы и легенда, которую Женьке рассказали местные жители. Скрываясь от бывшего и чрезвычайно агрессивного жениха, Евгения приехала в забытую деревню, не предполагая, что ненароком окажется в центре чужой и опасной игры. Здесь у каждого своя роль и своя маска, минувшее тесно переплетается с будущим. И прошлое вновь оживает. Выходит из тени человек в маске быка, собирая чужие жизни. Он убивает, силясь утолить голод клинка, а также вернуть последнюю княжну из проклятого рода Тавровских...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лесина Е., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78307-6

енька, не будь душой, — прошипела Лариска. — Нашла, ради кого слезы лить.

Слезы лились сами собой. Крупные, можно сказать отборные. Женька только всхлипывала и подвывала, причем с каждой минутой всхлипы становились все тише, а подвывания — громче.

— Он тебя не достоин, — Лариска тоже шмыгнула носом, но тут же взяла себя в руки и зарождающийся слезопад перекрыла сушкой. Диетической. На диете Лариска сидела время от времени, как правило, после крушения очередного романа. Хватало ее недели на две-три, впрочем, Женька помнила, что однажды диетическое лечение продлилось целый месяц, и Лариска тогда изрядно постройнела, перекрасилась, нарастила акриловые ногти, расписанные незабудками и, осознав свою нечеловеческую привлекательность, влюбилась.

— На вот, не вой, — Лариска сунула сушку и Женьке. — Жуй давай и рассказывай.

Она села, закинув ногу на ногу, и полы шелкового халатика разошлись, выставя округлые Ларискины колени.

— Н-нечего рассказывать, — шмыгнула носом Женька и в сушку вгрызлась.

И рассказывать нечего, и идти некуда.

— М-можно я у тебя по-поживу?

— По-поживи, — согласилась Лариска, запивая диетическую сушку диетическим кефиром. — Что, окончательно рассорились?

В ней говорило естественное женское любопытство, ну и немного, на краешек акрилового ногтя, женская же зависть. В отличие от Ларискиных увлечений Женькин роман длился уже четвертый год, и дело медленно, но верно двигалось к свадьбе.

Женька даже платье присмотрела...

...И кафе...

...И список гостей составила мысленно...

Нет, конечно, драгоценный утверждал, что спешить не следует, что гражданский брак — это тоже брак, а остальное — будет позже, когда он упрочит свое положение, и Женька соглашалась.

Дура рыжая.

— Я... от него ушла, — Женька шлепнула себя по мокрой щеке, приказывая успокоиться.

— Совсем? — деловито поинтересовалась подруга.

— Да.

— Ну и молодец. И что у вас случилось?

Обычная история. Нелепая. Некрасивая и... ожидаемая, наверное.

— Я... к маме поехала... у нее сердце, ты знаешь, — Женька вздохнула и потянулась за очередной сушкой. Желудок заурчал, напоминая, что помимо бутерброда с сыром «Российским» иной пищи он не видел. — Сердце и...

— И твоего придурка она на дух не переносит, — кивнула Лариска.

Верно. Как-то вот не сложились у драгоценного отношения с Женькиными родителями. Те его недолю-

бливали, он же отвечал на нелюбовь надменным равнодушием.

— Он сказал, что туда меня не повезет; если он такой плохой, то ехать мне на автобусе...

— И ты поехала? — глаза Лариски полыхнули.

— Поехала. Съездила и тут же вернулась. Тетя Веня объявилась и маму в свой санаторий забрала. Ты же знаешь тетку... Я еще порадовалась... я давно предлагала, так разве мама слушает? А от тетки она точно не отобьется...

Сушки были пресными.

— Вот я и... домой... звонить не стала... сюрприз...

— Дура, — ласково произнесла Лариса и, дотянувшись, погладила Женьку по включенным рыжим волосам. — Кто ж мужикам такие сюрпризы делает? Он с бабой, да?

— Да.

— Ну... может, она по делу зашла... или ты не так поняла.

Женька неожиданно для себя рассмеялась. Господи, да что там не так понять можно было? До кровати драгоценный не добрался, на диване расположились, он и эта стерва из отдела продаж! Она еще тогда, на корпоративе Женьке не понравилась... черная юбка-мини, блуза просвечивающая, бюст четвертого размера и кукольные синие глаза.

А взгляд — хищный.

И, захлебываясь от обиды, Женька рассказывала про остроносые туфли на шпильках, брошенные в коридоре... прежде-то драгоценный терпеть не мог малейшего беспорядка, и обувь следовало ставить в шкаф, предварительно протерев сухой тряпочкой. А туфли валялись. И длинный красный зонт.

И лаковая курточка, тоже красная с огромными пуговицами.

Папка с бумагами.

Юбка, уже не черная, но опять короткая...

Сама хозяйка, томно постанывавшая, и драгоценный.

Отвратительно.

От отвращения она и не расплакалась сразу, выскочила за дверь.

— Теперь все, — сказала она, засовывая в рот последнюю сушку. — Я к нему не вернусь...

— И правильно.

Лариска, слушавшая рассказ внимательно, достала из кармана пачку сигарет.

— К нему тебе нельзя. Он козел, но от тебя не отстанет.

— Почему?

— Потому что вторую такую ласковую дуру попробуй найди. Он же привык, что ты у него вместо домработницы. Кто в квартире убирается? Готовит? Рубашечки стирает? Гладит? Портфельчик носит? В рот ему смотрит, каждое слово ловит... дура ты, Женька.

Точно, дура. И от осознания этой дурусти захотелось зареветь уже в голос. А ведь казалось, вот оно, счастье...

— Хорошо, хоть доучилась. А то была бы и без диплома.

— Кому он нужен...

— Тебе нужен, — жестко обрезала подруга. — Или ты планируешь и дальше дома сидеть?

Женька вздохнула. Так далеко она еще не заглядывала... а ведь верно, что ей делать? К родителям возвращаться и весь следующий год слушать о том, какая она, Женька, глупенькая, несамостоятельная, недалёковид-

ная? Нет, родители ее любят, но молчать не станут: драгоценный им крепко нервы потрепал.

У Лариски остаться? Она не будет против, но сколько у нее прожить можно? Месяц? Другой? А потом что? Работу искать надо, а Женька не очень хорошо себе представляла, как это делается.

И разве виновата она, что работать ей не довелось?

Драгоценного она встретила, будучи уже на пятом курсе. И влюбилась. Да и как не влюбиться, когда он был хорош собой, солиден, сдержан и слегка, самую малость, надменен. Тогда эта надменность казалась Женьке признаком аристократизма...

Истинный принц.

Ко всему состоятельный. Он покупал Женьке роскошные букеты и в рестораны ее водил. Девчонки завидовали.

— Везучая ты, Лашевская, вон какого мужика отхватила...

И Женька, млея от счастья, соглашалась. Спустя месяц драгоценный предложил переехать к нему. И разве это не свидетельствовало о серьезности его намерений? Конечно, от общаги к универу было ближе, а возить ее на учебу драгоценный отказывался.

— Нечего тратить время на ерунду. Ну кем ты там станешь? Педагогом? Тоже мне, профессия...

Кажется, в тот раз они впервые поссорились. И он затаил обиду, обижался долго, до самого выпуска, а Женька перед госэкзаменами переехала в общежитие. Оттуда он ее и забрал, уже после диплома, сдачу которого решено было отметить. Драгоценный заявился с корзиной бордовых роз и, встав на одно колено, при всех просил прощения. Ну как было устоять?

Дура, ох дура... идиотка махровая.

...И лег диплом ее в ящик стола. Зачем женщине работать? Разве Женьке денег мало? Ее дело — создавать уют. Хранить очаг.

И хранила. Три треклятых года хранила, обживая его квартиру, как собственную.

— Что теперь будет? — всхлипнула Женька, догрызая последнюю сушку.

— Что-нибудь. Иди умойся.

Лариске квартира досталась от бабки, которая при жизни отличалась на редкость склочным нравом и успела рассориться как с дочерьми, так и с внуками, кроме Лариски, которой жилплощадь и завещала.

Женька села на край ванны и включила воду.

Ржавая и урчит.

Кран закручен изолентой, из-под которой растекается вода. Квартире ремонт нужен, но откуда у Лариски деньги? Нет, она не просила, не намекала, но... Женька однажды попросила драгоценного помочь. Подруга ведь. А он, смерив Женьку насмешливым взглядом, произнес:

— Твоя подруга плохо на тебя влияет. Мне она не нравится.

Ему отчего-то не нравились все Женькины знакомые, и за четыре года эти знакомые как-то сами собой исчезли из Женькиной жизни. Наверное, им в ней стало неудобно.

А Лариска вот осталась. И теперь Женька сидела на краю ванны в крохотной ванной комнате, разглядывала бело-синюю еще советского образца плитку и трещины на ней. В запотевшем зеркале отражалась распухшая Женькина физиономия. И глаза от слез покраснели, и нос раздулся, а губы вновь кусала...

...Драгоценный долго пытался отучить ее от этой дурной привычки.

Ну вот, не стоило вспоминать! Не стоило. И Женька решительно плеснула в лицо ледяной воды... гадость. Наверное, она просидела в ванной комнате долго, потому что так выйдя, услышала голоса.

— Я знаю, что она здесь! — драгоценный редко повидал голос, утверждая, что человеку его положения следует проявлять похвальную сдержанность.

— С чего взял?

Лариска стояла в коридорчике, опираясь на старый сервант, который давно собиралась выкинуть, но руки не доходили. А может, просто никто из ее возлюбленных не горел желанием тащить древний, но тяжелый сервант, к помойке.

— Не дури мне голову. Ей просто некуда больше идти.

— А ты и рад.

Женька замерла, испытывая огромное желание сбежать. Запереться в ванной, зарыться в ворох махровых халатов, к которым Лариска испытывала странную привязанность, и сидеть, пока он не уйдет.

— Позови!

— Не командуй тут, не у себя дома. — Лариска воинственно сдула темный локон.

Спрятаться? И как долго прятаться? Год? Два? Всю оставшуюся жизнь?

...А в его квартире остались Женькины вещи. И вообще им следует поговорить как взрослым серьезным людям, расставить все точки...

— Слушай, ты... шалава, — драгоценный шипел. — Или ты позовешь сейчас это недоразумение, или...

— Лар, я с ним поговорю.

Женька дернула подругу за рукав, жалея лишь об одном — что распухшая ее физиономия выдает недавнюю истерику.

— Уверена?

Женька кивнула. В конце концов, драгоценный — интеллигентный человек, пусть и сволочь, как оказалось, но остальное-то... не съест же он Женьку.

Лариска посторонилась. Пускать драгоценного в квартиру она явно не желала. А на лестнице гуляли сквозняки, и значит, дядя Миша с третьего вновь окно вышиб по пьяни. Он был неплохим человеком и запивал исключительно на получку, причем получку успевал до дома донести.

И окно вставит.

Потом.

Почему-то думалось о дяде Мише и его жене, которая носила короткие розовые халатики, хотя давно вышла из девичьего возраста. О старухе Семеновне и мелкой злобредной ее собачонке, норовившей облаять каждого, о сирени у подъезда и тройке кошек, этот куст обживших... обо всем сразу, но только не о драгоценном. Он же стоял, неуместный на этой площадке, старой, но чистой, заслоняя собой деревянную стоечку для цветов. Цветы выставляла еще Ларискина бабка, и теперь Лариске по наследству приходилось ухаживать за ними.

— Евгения, — драгоценный смерил Женьку взглядом, в котором она прочла и возмущение, и негодование, и готовность простить. — Твой поступок неприемлем.

А все-таки в чем-то он смешон. Нет, красив, конечно, высокий и широкоплечий, подкачанный... тренажерный зал трижды в неделю и раз в полгода — строгая диета. Для Женьки — чаще, она ведь женщина...

— Почему?

— Потому что ты — взрослый человек, а ведешь себя как ребенок.

Руки на груди скрестил...

...Широкие запястья, удлиненные ладони с аристократическими тонкими пальцами. Он как-то долго и довольно нудно — все-таки имелся и у драгоценного недостаток, это самое занудство — объяснял Женьке, чем ее руки, плебейские, от его отличаются.

Едва не поссорились тогда.

Господи, как же она ненавидела ссоры! Особенно с ним, когда драгоценный запырался в равнодушном молчании, игнорируя жалкие Женькины попытки примирения. А вот теперь снова сам появился, но без цветов.

— Я... — она сглотнула. — Я видела тебя с этой... женщиной. Сегодня.

Сложно смотреть ему в глаза и признаваться, Женька чувствует себя виноватой, хотя совершенно точно знает, что нет за ней вины.

— Я понял, — отмахнулся драгоценный. — И что?

И что? Он серьезно не понимает?

— Ты мне изменил!

Пожатие плечами, небрежное, слегка раздраженное.

— Она ничего для меня не значит, — драгоценный улыбнулся. — Женечка, конечно, твоя ревность в данных обстоятельствах естественна, но не стоит делать глупостей.

Ревность? Ревновала она его прежде, особенно в первый год, когда поняла, насколько он привлекателен для других женщин. А эти другие вились вокруг драгоценного и были чудо как хороши.

— Ну хочешь, я пообещаю, что впредь буду осмотрительней?

Впредь? Он пришел отнюдь не за тем, чтобы прощения просить. Будет осмотрительней... продолжит изменять, но ради Женькиного спокойствия измены скроет, раз уж она такая непонятливая... несовременная.

— Жора, я не вернусь.

Он терпеть не мог этот вариант своего имени и сейчас скривился, но взял себя в руки.

— Дорогая, — голос мягкий и выражение лица соответствующее, — я же сказал, это был просто секс и ничего, кроме секса. Ангелина слишком стервозна, чтобы я с ней связывался. Ну хочешь, я ее уволю?

И возьмет на ее место другую.

Блондинку. Брюнетку. Рыжую. Не важно. Сколько их, случайных подружек, которые «ничего, кроме секса», перебивало в Женькиной квартире? Нет, не ее, но она привыкла считать квартиру своей. Она ее не обставляла, но... шторы в спальне и в гостиной, чехол на диван, семейство фарфоровых уток на каминной полке... а тот странный светильник, похожий на уличный фонарь начала прошлого века? Женька его нашла на выставке молодых дизайнеров...

— Пойми, дорогая, — драгоценный счел молчание добрым знаком. И взяв Женьку под локоток, продолжил: — Мужчины по своей природе — существа полигамные. Это доказано научно. Им нужен секс, но сам по себе он ровным счетом ничего не значит... это как булочку съесть.

— Булочку? — Женька не без труда вырвала руку. — Знаешь, дорогой, ищи себе другую дуру. А я уйду.

Она сделала шаг к двери, но драгоценный перехватил руку и сдвинул.

— Куда ты уйдешь? — он говорил спокойно, но вот лицо побелело и сосуды на висках вздулись.

— Отпусти.

— Послушай, дурочка моя ненаглядная... — он дернул Женьку на себя, и она ткнулась носом в дорогой шерстяной его пиджак. От шерсти пахло духами.

Женскими.

— Куда ты пойдешь? К Лариске своей? Ладно, сходи, хотя я изначально был против такой подруги. Она плохо на тебя влияет.

Пальцы его стискивали Женькину руку.

— Мне больно!

Она рванулась, но что она против драгоценного? А он не услышал, никогда-то он не слышал того, чего слышать не желал.

— Но дальше-то что? — обманчиво-ласковый голос. — К родителям на шею сядешь? Они, конечно, будут счастливы, но, Женечка, в твои-то годы стыдно жить за счет родителей...

— А за твой?

Нет, он не тронет. Он просто по щеке гладит, но от самого этого прикосновения страшно.

— Я — другое дело. Мужчина должен содержать семью. Поэтому не глупи... кому ты, кроме меня, нужна?

— Кому?

Он странно действовал на Женьку. Хотелось закричать, броситься к двери, заколотить кулаками, требуя, чтобы впустили в квартиру, защитили. Но вместо этого Женька смотрела в бледные серые глаза драгоценного.

— Никому, — едва ли не с наслаждением произнес он. — Кто ты, если разобраться? Никто. Обыкновенная девчонка, которых тысячи. Не красавица. И умом особым не отличаешься.

Сволочь. Как Женька раньше не видела, какая он сволочь?!

— Миленькая, добренькая, но и только... этого мало, Женечка. Уйдешь от меня и что дальше? Устроишься работать на рынке? Найдешь себе кавалера, какого-нибудь милого мальчика без гроша за душой, но с амби-